

Людмила ГУРЧЕНКО

*«Любить человека, который что-то
делает лучше тебя, очень трудно»*

ПОСТОЯННО
РЕСПУБЛИКА

Екатерина Александровна Мишаненкова Людмила Гурченко

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376408

Людмила Гурченко / сост. Е. Мишаненкова.: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081624-8, 978-5-17-082410-6

Аннотация

На вопрос, как ее объявлять, она обычно говорила просто: «Как хотите, только без званий. Лучше всего – «У вас в гостях...». И действительно, зачем перечислять звания и награды или фильмы, в которых она играла? Все и так знают, кто она. И у каждого есть свое мнение о ней. Кто-то ее любит, кто-то ненавидит, но к ней невозможно остаться равнодушным. Индивидуальность, яркость, непохожесть на других мгновенно выделяют ее из любой толпы и привлекают к ней зрительское внимание. Таких, как она, ни в советском, ни в российском кино больше не было. Да и вряд ли будет. Чтобы стать Людмилой Гурченко, мало родиться талантливой, надо еще пройти оккупацию, преодолеть испытание «медными трубами», пережить годы гонений и забвения. Она создала себя сама, раз за разом восставая из пепла словно феникс. Актриса, которую невозможно забыть.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Людмила Гурченко

Сост. Е. Мишаненкова

Пролог

На вопрос, как ее объявлять, она обычно говорила просто: «Как хотите, только без званий. Лучше всего – «У вас в гостях...». И действительно, зачем перечислять звания и награды или фильмы, в которых она играла? Все и так знают, кто она. Стоило конференсье объявить: «А сегодня у вас в гостях Людмила Гурченко!» – и зал взрывался аплодисментами.

Ее на самом деле знают абсолютно все. И у каждого есть свое мнение о ней. Кто-то ее любит, кто-то ненавидит, но к ней невозможно остаться равнодушным. Ее индивидуальность, яркость, непохожесть на других мгновенно выделяют Людмилу Гурченко из любой толпы и привлекают к ней зрительское внимание даже в крохотном эпизоде. Так было пятьдесят лет назад, когда она только начинала свою актерскую карьеру, так оставалось и до ее последнего часа.

Ее любят изображать пародисты – естественно, ведь это очень легко. Любого другого актера зрители могут узнать, а могут и не узнать, но стоит заговорить голосом Людмилы Гурченко и сделать несколько ее характерных жестов, как

зал в полном восторге.

Она сыграла в кино не так уж много главных ролей, ведь полтора десятка лет ее практически не пускали на экраны. А стоило ей наконец пробиться, развернуться во всю ширь своего огромного таланта, как началась Перестройка, и фильмы почти перестали снимать. Но даже в таких трудных условиях, постоянно сражаясь за место под солнцем, борясь за каждую роль, Людмила Гурченко сумела стать звездой. Не звездочкой, снявшейся в одном фильме и разрекламированной желтой прессой, а настоящей звездой, причем во всех жанрах, в которых ей приходилось играть.

Наверное, она единственная артистка, у которой не было устоявшегося амплуа. Она одинаково блистала в драмах, комедиях, мюзиклах, на эстраде и в концертах. Ее таланта хватало на все, и каждую свою роль она играла в полную силу, отдавая будущему фильму всю себя без остатка. «Какой она партнер! – говорил о Гурченко Эльдар Рязанов. – Находясь за кадром, то есть невидимой для зрителей, она подыгрывала Олегу Басилашвили и, помогая мне вызвать у него нужное состояние, плакала, страдала, отдавала огромное количество душевных сил только для того, чтобы партнер сыграл в полную мощь...»

Таких как она ни в советском, ни в российском кино больше не было. Да и вряд ли будет. Чтобы стать Людмилой Гурченко, мало родиться талантливой, надо еще пройти оккупацию, преодолеть испытание «медными трубами», пережить

годы гонений и забвения. Она создала себя сама, раз за разом восставая из пепла словно феникс.

Актриса, которую невозможно забыть.

Людмила Гурченко.

Глава 1

Людмила Марковна Гурченко родилась 12 ноября 1935 года в прекрасном украинском городе Харькове, в семье Марка Гавриловича Гурченко (1898–1973) и Елены Александровны Симоновой-Гурченко (1917–1999).

Людмила Гурченко любила говорить, немножко бравируя таким контрастом, что ее мать происходила из дворян, а отец – из батраков. Необычная пара. И действительно – чем больше читаешь рассказы актрисы о ее родителях, тем лучше понимаешь, что трудно представить себе двух более разных людей. Но несмотря на все различия... а может быть, и как раз благодаря им, они прожили вместе много лет и воспитали совершенно необыкновенную дочь.

Конечно, можно сколько угодно говорить о врожденных качествах, судьбе, предопределении, но все же человека формирует его ближайшее окружение и в первую очередь семья. И Людмила Гурченко сама не раз повторяла и в своих биографических книгах, и в многочисленных интервью, что ее – такую, какая она есть – создала ее семья. Именно от родителей, и в первую очередь от отца, она получила свою искрящую жизнерадостность, умение всегда оказываться в центре внимания, ну и конечно же – огромную любовь к музыке.

Хотя, вообще-то, и ее дед с материнской стороны прекрас-

но пел и считал, что музыкальность внучка получила как раз от него. В свое время он очень сожалел, что дочь не унаследовала его музыкальные таланты, но говорил, что это неудивительно, такие способности передаются через поколение. Так и получилось – спустя много лет Людмила Гурченко точно так же сокрушалась, что ее собственная дочь не испытывает никакой тяги к музыке.

Впрочем, Александра Прокофьевича Симонова – своего деда по материнской линии – она видела всего раз в жизни. Он был человеком очень интеллигентным, происходил из хорошей семьи и до революции был директором одной из московских гимназий. Революцию он не принял, тем более что и жена его, Татьяна Ивановна, настоящая столбовая дворянка, была настроена крайне непреклонно. «Неужто ты – Симонов! – будешь мужичонков обучать?! Не бывать этому!» – говорила она. Что поделать, тогда они и правда верили, что нужно только потерпеть, переждать, и все вернется на круги своя.

Ничего, конечно же, не вернулось, им пришлось смириться с новой властью и попытаться забыть о прошлом, но вот новая власть о них не забыла – в середине 20-х Александра Прокофьевича арестовали и выслали в Сибирь, а все его имущество конфисковали. Правда, семью не тронули, поэтому он надеялся, что сможет устроиться на новом месте, и тогда они переедут к нему.

Но жизнь повернулась иначе. В ссылке Александр Про-

кофьевич завел роман с другой женщиной. И хотя, как это чаще всего и бывает, он вскоре опомнился и пытался помириться с женой, та не пожелала его прощать. К тому времени их шестеро сыновей – Владимир, Сергей, Юрий, Борис, Александр и Константин – уже были достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно работать и учиться, в помощи отца они не нуждались. Ну а две дочери – Елена и Лидия еще оставались на попечении матери.

Им тогда пришлось нелегко, ведь у Татьяны Ивановны, столбовой дворянки, супруги важного человека, конечно же, не было никакой профессии. Она воспитывалась как будущая хозяйка дома и мать семейства. Но когда ей пришлось выживать своими силами, она не опустила руки. Татьяна Ивановна с дочерьми переехала в Харьков, где ее сын Сергей работал инженером на железной дороге, сняла маленькую комнату на окраине и устроилась уборщицей на Харьковском велосипедном заводе.

Какой была Татьяна Ивановна в молодости? Какой бы она стала, не будь революции, предательства мужа, страха и разорения? Кто знает. Но тяжелая жизнь превратила ее в нелегкого человека. Честного, порядочного, но не слишком приятного – от таких пуритански строгих, расчетливых, жестких женщин все стараются держаться подальше. А уж мужчины и дети особенно.

Мать Людмилы Гурченко вспоминала, что в их доме всегда царили строгость, порядок и экономия. Даже в те време-

на, когда отца еще не арестовали. Детей воспитывали сурово – мать они называли на «вы», питались очень просто, одевались тоже в самую простую одежду, за любую провинность их строго наказывали... а между тем все у них было – и деликатесы, и наряды. Просто такие в семье были правила, что все лучшее приберегалось на «потом», «на вырост», ну и, конечно, на праздники, во время которых детям позволялось и нарядиться, и вкусно поесть, и, возможно, даже нарушить какие-то правила.

Это «потом» так никогда и не настало – все приберегаемое конфисковали, а Татьяна Ивановна стала работать уборщицей и содержать дочерей, Елену и Лиду, на свою крошечную зарплату... Смешно и грустно, но для девочек не так уж многое и изменилось. Их жизнь осталась такой же серой, простой и по-казарменному строгой. Вот только не стало больше праздников, в ожидании которых они жили прежде. На это денег не хватало.

А потом в серой жизни Елены Симоновой появился Марк Гурченко...

Вот именно такой была речь Марка Гавриловича Гурченко, и его дочь всегда, рассказывая о нем, с удовольствием воспроизводила его неповторимый стиль. Она считала, что без этой речи его образ будет неполным, не совсем настоящим, лишенным его живости и обаяния. Причем, на самом деле, Марк Гурченко прекрасно умел говорить на правильном русском языке и даже с московским выговором. Он ино-

гда любил ошарашить этим знакомых, которым что-то рассказывал в своей обычной манере, а потом, пародируя своего шурина Бориса или еще кого-нибудь, вдруг выдавал фразу безо всякого диалекта, на литературном языке и даже твердо, по-русски, выговаривая букву «г». Но постоянно так говорить отказывался, предпочитая свою привычную, простонародную, живую, полную украинизмов, речь.

Родился Марк Гаврилович в деревне Дунаевщина Рославльского района Смоленской области. Любопытная подробность – родился он в 1898 году, но всем говорил, что в 1899-м. Объяснял он это тем, что те, кто родился в 1898 году, еще служили в царской армии, а кто младше – уже не попали под последний призыв. А поскольку он не служил, значит, и родился в 1899 году. Такая вот у него была собственная оригинальная логика.

Жизнь у него, как у подавляющего большинства крестьян, конечно, была нелегкая. С девяти лет он уже работал – пас помещичьих лошадей. Отец бил его смертным боем, и даже не со зла, а потому что так принято было – не меньше доставалось остальным детям, да и матери тоже. Но никаким побоям было не сломить его брызжущую жизнерадостность. Да и зла он на отца нисколько не держал ни за побои, ни даже за то, что тот едва не пристрелил его, когда он решился однажды дать сдачи. К счастью, ружье дало осечку.

Впрочем... учитывая, как Марк Гаврилович любил приукрашивать истории из своей жизни, полностью верить то-

му, что он рассказывал, было нельзя. Людмила Гурченко вспоминала, например, как отец часто рассказывал, что когда он на войне выступал в военно-прифронтовой концертной бригаде, маршал Рокоссовский ему лично баян подарил. И каждый раз история обрастала новыми деталями и видоизменялась в зависимости от его настроения. Иногда баян вручал ему лично Рокоссовский, иногда ему уже после концерта передавали от маршала баян и личную благодарность, а как-то раз и вовсе получилось, что выступал он перед Рокоссовским, а баян ему вручил сам Жуков. На самом же деле все было несколько прозаичнее – Марку Гурченко вручили баян «Фрателли Грозио» и грамоту за отличное служение Родине и честное отношение к своему долгу. И перед Рокоссовским он действительно однажды выступал. Но эти два события были никак между собой не связаны.

Но история с баяном была уже в Великую Отечественную, а с Еленой Симоновой Марк познакомился в 1934 году. К тому времени он уже успел повоевать в Гражданскую, потом уехал в Кривой Рог работать на шахтах забойщиком, а в 1932 году оказался в Харькове. Тогда многих способных рабочих отправляли получать образование, а он был известен как музыкант – сам освоил гармонь, а потом и баян, играл на всех праздниках. Вот его и послали учиться. Но профессионального музыканта из него не вышло, он сам признавал, что не по его образованию был этот институт – два года он «вгрызался» в науку, пытался понять теорию, гармонию, а заодно

и политэкономии, без которой в то время ни одна специальность не обходилась – и все, терпение его иссякло.

Вот так и состоялось его знакомство с Еленой Симоновой. Она в то время училась в девятом классе, была младше него на девятнадцать лет и, конечно, смотрела на него как на взрослого дядю, но... Синеглазый, темноволосый, с ослепительной улыбкой, музыкальный и пластичный, танцующий лучше всех вокруг – он был словно живым воплощением того праздника, о котором она в родном доме уже и забыла. «Может, тогда и надо было мне от него отойти, но куда? – вспоминала она о том, как он сделал ей предложение. – У мамы моей мрак. А ко мне никто в жизни так не относился, а я уже привыкла, что есть Марк. Потом изучила его характер, обходила углы, чуяла, откуда ветер. Всю жизнь как на бочке с порохом. А мама с тетей Лидой еще ничего тогда не знали. Потом узнали... в школу ходить перестала...»

Татьяна Ивановна зятя-батрака, конечно, не приняла, но Елена обошлась и без ее согласия – просто расписалась в загсе и ушла жить к Марку. Ее сестре Лиде было строго-настрого запрещено с ней общаться. Но куда там! Марк Гаврилович же кормил Лиду конфетами, которых она в родном доме не видела, наверное, с тех пор, как сослали отца. Конечно, она была на стороне его и Елены и предупредила их, когда Татьяна Ивановна решила прислать сыновей, чтобы они забрали непутевую сестру домой.

Дело закончилось дракой, в которой Марк, конечно, по-

бедил интеллигентных Симоновых, после чего они его сразу зауважали. А потом пришел черед и Татьяны Ивановны – со временем и она поддалась на его обаяние, оценила его жизнелюбие, любовь к семье и твердый характер. Людмила Гурченко вспоминала, что бабушка с удовольствием их навещала, а о зяте говорила: «Это не какой-нибудь подлечуга и провокатор. Жаль, не дал ему господь образования, но человек он удивительно доброкачественный и красивый».

Глава 2

Когда родилась Людмила, ее матери было всего восемнадцать лет. Школу Елена Симонова-Гурченко так и не закончила – выйдя замуж, стала работать вместе с мужем. К тому времени он, в том числе и с ее помощью, был уже довольно популярным массовиком и проводил разные праздники, утренники, вечера как для детей в школах и Дворце пионеров, так и для взрослых – в рабочих клубах и на предприятиях.

Когда Елене пришло время рожать, имя для будущего ребенка было еще не выбрано. То ли из суеверия, то ли никак они с мужем не могли во мнениях сойтись, то ли просто были заняты так, что не было времени серьезно подумать и обсудить. В итоге, дело решил случай. Когда Марк Гаврилович отвез жену в роддом, он на нервной почве пошел в ближайший кинотеатр. И там его неожиданно до глубины души впечатлил какой-то приключенческий американский фильм, где красавец Алан спасал свою похищенную возлюбленную Люси. Он вернулся в роддом и послал жене записку: «Лель! Детка моя! Если в меня будить орел, назовем Алан. Если девочка, хай будить Люси».

Елена даже спорить не стала – слишком хорошо знала его упрямый характер. Только вздохнула с облегчением, когда родилась девочка, – имя Алан Маркович ей казалось

уж слишком ужасным. Кстати говоря, тогда, как и сейчас, подобные «выпендрежи» были не редкостью – увлеченные заграничным шиком, родители называли детей Джонами и Изабеллами, а иногда могли и вовсе дать имя с афиши, не интересуясь его значением – Баядера или Травиата.

К счастью, Людмиле Гурченко повезло с загсом, где ее регистрировали. Там сказали, что имени Люси нет, и предложили назвать девочку старым славянским именем Людмила, которое в домашнем обиходе можно легко сокращать до Люси, если родителям так нравится.

Первые годы своей жизни будущая великая артистка прожила в маленькой подвальной комнатке в Мордвиновском переулке города Харькова. Но разве в детстве так уж важно, где ты живешь, в хоромах или в чулане? Главное – маленькую Люсю очень любили родители, особенно отец, и она тоже их обожала. Поэтому свое раннее детство она вспоминала как сплошной праздник. Да что там – все, кто бывал у них в доме, запоминали этот праздник, который так легко и умело создавал Марк Гаврилович одним своим присутствием.

Кто бы ни приходил к ним в гости, ему накрывался стол, хозяин доставал баян, и начинался концерт, в котором очень быстро стала участвовать и его маленькая дочь. Людмила Гурченко вообще часто повторяла, что она выросла в музыкальное время и в музыкальной семье, поэтому петь научилась раньше, чем говорить. Отец радовался ее талантам, с удовольствием демонстрировал их всем гостям и даже не за-

бывал «платить» дочери за ее «выступления» конфетами.

Большая часть детских воспоминаний Людмилы Гурченко так или иначе связана с ее отцом. В своей книге «Мое взрослое детство» она постоянно его вспоминает, рассказывает, каким он был веселым, красивым, дружелюбным – душа компании! Без сомнения, она была «папиной дочкой», чего, впрочем, и не скрывала. Она пела и плясала вместе с ним, скрывала от матери, когда узнавала что-то о его флирте с другими женщинами, восхищалась его добротой, широкой души, щедростью и чистой, почти детской душевностью и открытостью.

Глава 3

Счастливое детство прервала война. Маленькой Люсе было пять с половиной лет, когда в один прекрасный солнечный день, с виду ничем не отличающийся от остальных июньских дней, родители забрали ее из летнего детсадовского лагеря и увезли домой, в Харьков. Город уже бомбили, отец собирался добровольцем на фронт (из-за двух грыж он не подлежал призыву), мама плакала, все бежали, сустились, а пятилетняя девочка еще не понимала, что прежней жизни пришел конец.

Но непонимание длилось недолго. Марк Гаврилович, несмотря на возражения жены, взял дочь в город после бомбежки. Он знал, что такое война – пережил уже и Первую мировую, и Гражданскую – и знал, что нет смысла пытаться оградить ребенка от происходящего. Пришла пора взрослеть.

И пятилетняя Люся пошла вместе с отцом смотреть на развалины, оставшиеся от ее любимого Дворца пионеров и от сверкающего городского пассажа, на раненых людей, на кровь, слезы, боль и смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.